

Василий Лановой: Актер — это чудовище

В свои 70 народный артист России летает на люстре и делает сальто

Рос. газета, -2009
15.01.09, -с. III.

юбилей

В 18 ЛЕТ он стал кумиром публики, прекрасным героем советского кинематографа. В него были влюблены все женщины. Сын одесской крестянки, он думал о профессии журналиста, но предпочел профессиональное лицедейство.

Он играл индивидуалиста Листовского в «Аттестате зрелости», циничного Анатоля Курагина, принца Калафа в «Принцессе Турандот» и Артура Грея в «Алых парусах», но сам был исполнен цельности и революционной страсти Павки Корчагина. Обладая природой романтического героя и героическим темпераментом, он обожает буффонаду, делает сальто в своем юбилейном бенефисе, очаровывает модуляциями своего глубокого, неподражаемого баритона и мечтает о... трагической роли Матиаса Клаузена в пьесе Гауптмана «Перед заходом солнца». Женат, имеет двух детей. Вместе с женой — актрисой Ириной Купченко — сделал все, чтобы они выбрали «нормальные» профессии. Свой юбилей отмечает почти на государственном уровне в концертном зале «Россия», и совсем по-домашнему — в родном театре имени Евгения Вахтангова, где работает уже почти 50 лет.

— Ваш голос, Василий Семенович, является одним из самых знаменитых голосов России, голос, удостоенный Ленинской премии...

— Вы думаете, только голос?

— Как вы относитесь к этой награде, которую вы получили за озвучивание фильма «Великая Отечественная»? Сегодня вы гордитесь ею?

— И всегда буду гордиться. В том числе орденом Мужества, которым меня наградили, когда я был первый раз в Чечне у ребят в госпитале в Гудермесе.

— Мы много говорили о том, что произошла девальвация всех званий и знаков — народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. Российский министр культуры Михаил Швыдкой сказал: «Слава богу, они есть. Возможно, Шарон Стоун не нужно звание «народная артистка Америки», потому что у нее есть огромные гонорары. Когда мы недополчаем, то должны давать хотя бы звания».

— Михаил Ефимович, конечно, невозможно здесь лукавить: не стало бы хуже для этой бедной Стоун, если бы с своим деньгам она имела бы еще звание «народная артистка Соединенных Штатов Америки».

— Вы чувствуете, как переменялись сегодняшние звезды в сравнении с народными артистами прошлых лет? Новые звезды сегодня ощущают себя...

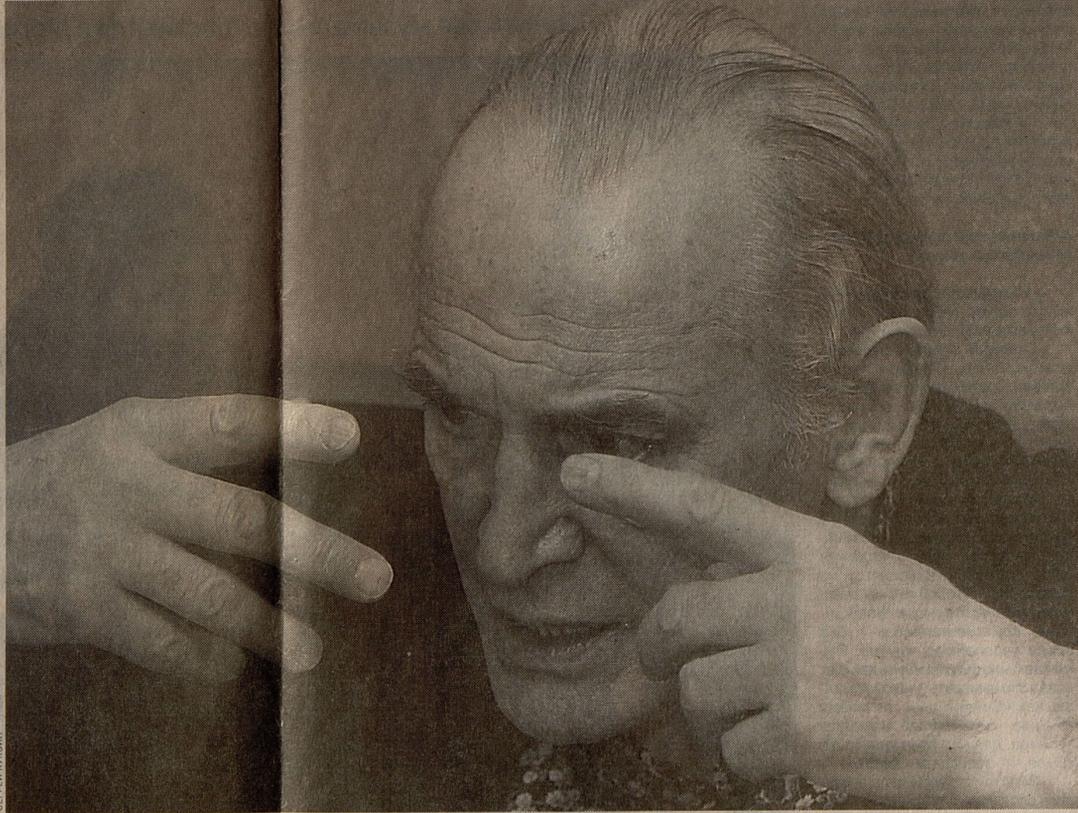
— Большими звездами, чем старики?

— Да, именно. Вы переживаете?

— Так и мы такими же были! И я, снявшись в первых картинах, тоже пытался свысока смотреть на Николая Гриценко — дескать, мы тоже не лаптем деланы. Но прошли времена, и он для меня стал великим актером. На первом курсе мы абсолютно все можем сыграть, во втором — почти все. На третьем мы начинаем задумываться, что, пожалуй, не все. На четвертом понимаем, что мы еще абсолютные осунки. И так происходит нормальное становление актерского мира.

Я завелу кафедру художественного слова в Шукинском, занимаюсь самым главным для актера — словом. Особенно в наше девальвационное по этой части время, которое слизнуло и чтецов, и литературу, и поэзию. И вот я наблюдаю, как мои сегодняшние ученики и ученицы высокомерно смотрят на некоторых наших замечательных, прекрасных актеров. Что это такое, откуда? Вроде воспитывали по-другому. И понимаю, что мы были точно такими же.

Я снялся в своем первом фильме «Аттестат зрелости», когда мне было восемнадцать с половиной лет. Как можно ждаться целомудрия в таком возрасте? Наверное, что-то с этим молодым мальчиком произошло: я видел, как начали на меня смотреть мои друзья — как-то искоса... А потом мне сказали: вот этого бы ты раньше, до картины, никогда не сделал и вот этого не сказал. А потом мой первый учитель в самодеятельности, который был режиссером Театра Ленинского комсомола и работал вместе с Берсеневым, Сергей Львович Штейн, мне объяснил. Как-то я заехал к нему, сидим, пьем чай, я бурно, весело показываю журнал «Огонек», где про рождение актера, и фотографию... Он смотрит на меня и говорит: «Вася, я думаю, ты умнее, кланься! Что с тобой?» И он меня разложил по косточкам. И я, оглянувшись, понял, что он прав.

СЕРГЕЙ КУСОВИЧ

Вот то же самое происходит с ними со всеми. Причем у меня хоть был повод, а у этих-то порой и повода нет — вот что обидно! Это знак времени, кстати, типичный для русского выбора. Прошлое — за борт, обойдемся без него. Пушкин — не нужен, он дворянский... Лермонтов — бог знает что такое. Получается, что вообще русский менталитет — не самый лучший.

— Какой же — лучший?

— Лучший — мудрый. Он должен вбирать в себя то, что поколениями воспитывалось в культуре, в церкви, в религиозной традиции, а остальное...

— За это время население стало народом? Те люди, которые в революционном угаре жгли усадьбу барина Пушкина, те, которые потом покаялись, что сбрасывали его с корабля современности?

— Да нет, знаете, после 1917 года немного ведь времени прошло для того. А что сейчас, после 1991 года, сделали с нашими прозаиками, поэтами? Как разодрали на части великое прошлое. Как кинули науку, культуру. Ведь это государство кинуло, новые мажордомы, которые пришли в 1991 году к власти, кинули.

— Но ведь проходят же сегодня чтецкие вечера, как и раньше. Только приходят на них два-три человека.

— Какие вечера? У меня в советское время было 20 абонементов чтецких программ по стране. Дмитрий Николаевич Журавлев, Кочарян, Яков Михайлович Смоленский — это была великая духовная индустрия. С 1991 года она не потребовалась, прежде всего государству. А уж если государство не потребовалось, то я, Тюткин, купивший дворец культуры, выброшу оттуда все потроха и буду там машинами или шмотками торговать. Это в лучшем случае. А в худшем — попусу запущу!

Недавно я получил приглашение в Ленинградскую филармонию — спустя 15 лет! И из зала Чайковского — тоже через 15 лет! Вспомнили. Потому что им невыгоден чтецкий вечер. Они продадут в 10 раз дороже, запустив туда какую-нибудь дискотеку. Понимаете? А теперь вообразите тот вред, которые принесут эти деньги.

Я верю, что самый короткий путь к сердцу и душе — слово. В Москве больше 200 театров, между досками, между фильмами, которые есть остались, должны иметь право выступать в этом театре «Слово». Вот и надеюсь — живу и жду.

Помещение нужно. Нам не нужен штат. Мы будем собирать актеры, которые хотят и могут. Ведь не все актеры умеют читать. У нас в театре Гриценко, гениальный актер, читать не умел. Плотников — не мог. А рядом Михаил Астангов, Рубен Симонов — как боги чита-

ли. Если откроют, это будет единственный литературный театр в мире. Причем, мне кажется, что прежде всего в нем должна звучать великая русская классика.

— А вы не боитесь, что публику не соберете?

— Не боюсь ни секунды, я просто не сомневаюсь, что придут. Когда я выезжаю куда-то на концерты, меня всегда просят читать. Сережу Юрского просят читать. Потому что изголодались по настоящему слову.

— А как вы считаете, насколько сильно изменилась публика в последние годы?

— С 91-го по 95-й год вопрос о публике вообще стоял очень остро, ведь были полупустые залы, как вы помните. Не было денег. Да и какой театр, когда на улице убивали запросто. Пустыня была. Это была достаточно печальная и трагическая бытность — четыре-пять лет. Многие изменились после этого периода, но я не вижу боль-

ше столько же читающих в метро, как раньше.

— У нас весь вагон считает, сидит с калькуляторами. Не читают, а считают.

— Именно! Вместо того, чтобы читать, они считают. Вот вы и ответили, как изменилась публика. Время заставляет считать. А не читать. В последнее время все-таки получше стало, что и говорить. Во-первых, классическая музыка начала возвращаться. Сейчас попробуете попасть на какой-нибудь концерт в консерваторию — не удастся. Возвращаются в театры. Правда, совсем другая публика. Очень сильно снизился вкус людей, которые ставят, и людей, которые приходят на это смотреть. Смотрите иногда спектакль и думаете — раньше за это голову бы оторвали. Но сидит молодежь и чувствует себя очень уютно, гармонично. А я ужоу после первого действия и принимаю душ. Понимаете? Это называется: время наорется сейчас, слава богу, уже оклемаются понемногу. Малые театры — на досках, под досками, между досками, между фильмами, которые есть остались, должны иметь право выступать в этом театре «Слово». Вот и надеюсь — живу и жду.

— Вы меня спрашиваете, что делать. А мне кажется, надо не

Я хочу, чтобы вы обязательно написали: я все равно сыграю. Пусть он знает! Я сыграю «Перед заходом солнца» к своему... 150-летию. На сцене Театра Вахтангова или на любой другой сцене, но сыграю!

— Именного! Вместо того, чтобы читать, они считают. Вот вы и ответили, как изменилась публика. Время заставляет считать. А не читать. В последнее время все-таки получше стало, что и говорить. Во-первых, классическая музыка начала возвращаться. Сейчас попробуете попасть на какой-нибудь концерт в консерваторию — не удастся. Возвращаются в театры. Правда, совсем другая публика. Очень сильно снизился вкус людей, которые ставят, и людей, которые приходят на это смотреть. Смотрите иногда спектакль и думаете — раньше за это голову бы оторвали. Но сидит молодежь и чувствует себя очень уютно, гармонично. А я ужоу после первого действия и принимаю душ. Понимаете? Это называется: время наорется сейчас, слава богу, уже оклемаются понемногу. Малые театры — на досках, под досками, между досками, между фильмами, которые есть остались, должны иметь право выступать в этом театре «Слово». Вот и надеюсь — живу и жду.

— Популяризация классики — это хорошо, по-вашему? Вот телеверсия «Идиота», например?

— Я не очень принимаю эту картину, считаю, что вообще сериалы для классики губительны. Это завод, производство.

— А сколько там исторических неточностей насчитали, неточностей в костюмах...

— Снявши голову по волосам не плачут. Когда такого наломали, когда произошла такая деградация по линии вкуса, какой уж там костюм! Впрочем, все равно хорошо, что его сделали: люди вновь взяли в руки роман.

— А процесс, о котором вы сейчас

сказали, — он характерен только для России или в какой-то мере затронута вся планета?

— Глобализация, против которой поднимались многие страны, очень опасна. Ведь что такое глобализация в конечном счете? Это стандартизация прежде всего. Зачем делать две детали, если можно делать одну, но на двоих? Зачем писать пять книг, когда можно написать одну, но для всех? «Гарри Поттер», например. Это чудовищное обожание. Я понимаю, если бы американскую, не самую лучшую культуру подняли бы до уровня классической русской, но ведь это они нас будут опускать до своего уровня. Вот же в чем бред! Мне кажется, здесь какая-то глобальная игра.

— Василий Семенович, существование культуры в условиях рынка — это данность времени. В какой степени необходима сегодня государственная поддержка? Что делать?

— Вы меня спрашиваете, что делать. А мне кажется, надо не

— А вот ваш Листовский из «Аттестата зрелости», ведь вы его осуждали, когда играли в фильме? Не кажется ли вам, что сегодня это очень актуальная фигура?

— Абсолютно. Сегодня, если не будешь таким индивидуалистом, задвинут бог знает куда. Время такое. Поэтому, когда вы говорите о том, что времена Листовского наступают, это точно. Индивидуализм процветает, больше того — он возведен в ранг государственной политики. Но что же мы тогда будем делать с христианскими проповедями, которые говорят: о ближнем не забывайте, ребята. Почему же я должен этому времени, индивидуалистическому времени, так кланяться? Я все-таки полагаю, что движение общества — в разумном сочетании этих вещей. А когда приходит дебил к власти, кидает в науку, и промышленность, и культуру, и спокойно ходит, улыбаясь, ничего не меняя, такой индивидуализм, мне кажется, убийствен.

— Вы сейчас про кого?

— Не скажу. Вообще нам как цивилизации пора задуматься, как выживать. Потому что, как говорят, пройдет 300—400 лет, и ее — цивилизацию — как корова языком слизнет.

— Василий Семенович, а что вам нравится в нашем времени?

— Мне нравится, что я могу дебила назвать дебилем. И это можно напечатать, и ничего от этого не изменится, ничего.

— Что такое для вас актер, чем он должен обладать? Что это за племя такое?..

— Вопрос очень интересный.

вкусу близко не долженствующие быть рядом с театром, это, извините, называется очень мягко компромисс.

— А кем в своем театре вы восхищаетесь?

— Юлию Борисову я считаю великой русской актрисой. В свои годы в спектакле «Милый лжец» она делает такой головокружительный кульбит... Я говорю: «Зачем, Юля, может не надо?» — «Вася, когда перестану делать, вот тогда и перестанем играть». И когда я на люстре во «Фредерике» через всю сцену перелетаю и делаю заднее сальто на сцене, мне Купченко говорит: «Ты что, с ума сошел, зачем тебе эти нагрузки?» — «Вот когда не смогу сделать, тогда играть перестанем. А пока могу — вперед».

Но я всему актерскому цеху пою осанну. Потому что, даже не попав в обойму, понимая, что жизнь, по большому счету, прииграна, люди не уходят из театра, они продолжают служить своей первой любви, молиться своему божеству. Трагическая профессия.

— Поэтому вы хотели, чтобы ваши дети вообще к театру отношения не имели?

— Мы с Ириной Петровной Купченко четко поняли, что если мы состоялись, то вовсе не обязательно, что это произойдет и с ними. Так что мы вполне сознательно делали, когда детей в театр не пускали. Вообще в театре они были четыре-пять раз за всю жизнь, видели «Турандот», только то, что мы посчитали им нужным показать. Слава богу, никакого отношения к театру не имеют. Очень хорошие, красивые ребята, крупные, по актерскому материалу — во! (показывает большой палец). Я бы их взял, не задумываясь, в театральный институт.

— Вы специально для юбилея хотели сыграть этого знаменитого французского актера?

— Для своего юбилея я мечтал о совершенно другой роли. Скажу, пушай Ульянов знает. Я мечтал, я хотел к своему 70-летию сыграть Матиаса Клаузена в «Перед заходом солнца» Гауптмана. Я мечтал об этом всю жизнь. И я ему говорил лет десять, что я хочу это сыграть. Но он так и не дал!

Но я хочу, чтобы вы обязательно написали: я все равно сыграю. Пусть он знает! Я сыграю «Перед заходом солнца» к своему... 150-летию. На сцене Театра Вахтангова или на любой другой сцене, но сыграю!

— Какой главной ошибки вам хотелось бы избежать в жизни?

— Я многого хотел бы избежать. Из того, что наломано в жизни. Я думаю, что если снова начать, я был бы более гибким, более дипломатичным, более приспособляющимся. Но природа меня одарила другими свойствами. Я максималист, если я считаю что-то правильным, я не иду на компромисс, я не дипломат. У многих собак бы не удостоился, если бы был более гибким. Но, если у меня пока здоровый позвоночник, зачем мне прогибаться? Я им доволен, он меня не к худшему привел в жизни. Пока он меня прямо держит.

— Вы участвовали в предвыборной кампании?

— 7 партий за мной гонялись. Но я думаю, что актер не должен заниматься политикой. У актера есть единственная политика — сцена, экран и его собственная совесть. Потому что, если политика, значит обязательно компромисс. А как только компромисс с совестью — хана. Художник пропадает, умирает. И доказательство тому за эти 15 лет нашей новой истории я вижу предостаточно.

— Как вы будете отмечать свой юбилей? Наша газета выйдет накануне 16 января, дня вашего рождения.

— Вахтанговский театр очень как-то тепло и хорошо согласился провести этот юбилей. Но не только театр. Я был счастлив и очень доволен, когда Совет Федерации, в частности Сергей Миронов, Клуб сенаторов, который существует при Совете Федерации, Министерство обороны, целый ряд других организаций и моих друзей взяли на себя проведение этого юбилея в «России». А мои семейные торжества я буду проводить 18 января в Театре Вахтангова и приглашу только актеров моего театра, моих друзей из других театров и все цеха Театра Вахтангова. Костюмеров, сапожников, декораторов. Мы вместе работаем почти 50 лет. Буду их «ублажать». Мы сыграем «Посвящение Еве», и с восьми часов будут приглашены все вахтанговцы. Это будет в воскресенье. В понедельник выходной — они смогут гарцевать, сколько им вздумается.

Беседовала Алена КАРАСЬ.